

с. 3.

Литературное обозрение

100/

жесты старая барская усадьба и строить свои «виллы». Автор негодуешь и на крепостников, называя их «печенѣгами», одного из которых жирными штрихами нарисовал в лицѣ помѣщика Сурамова.

Но что-же хочешь дать положительнаго автор? крепостничество, розги, невольничество не годятся,—нужно просвѣщеніе; въ «Старомъ дворѣ» никогда не слыли и дворовые и рабочіе тамъ просвѣщены и грамотой, и гуманнымъ отношеніемъ. Фабрика развращаетъ, надо удерживать для народа земледѣльческій трудъ. Но авторъ не раздѣляетъ и народническихъ стремленій, онъ видитъ спасеніе не въ крестьянской общинѣ, а словно въ капитализации земли помѣщиковъ—родовитой аристократіи.

Пусть дворяне останутся вѣрны землѣ, прикрѣпятся къ ней, перестанутъ быть чиновниками, станутъ отцами и учителями, и покровителями народа гуманными и высокосправедливыми. И подъ сѣнью богатыхъ «старыхъ дворовъ» мирно и счастливо будутъ жить рабочіе ихъ, оберегаемые отъ «фабрики» благотѣльной рукой помѣщика, отвергшихъ розгу и насилие... Не правда ли какое идиллическое счастье проповѣдуетъ авторъ? Но, не смотря на ненависть къ розгѣ, просвѣтительныя стремленія автора, его проповѣдь годится, увѣ, на страницы Моск. Вѣдомостей! Такъ авторъ просмотрѣлъ внутреннее противорѣчіе въ своемъ произведеніи!

Перевертываемъ страницу, и точно изъ тумана выходимъ на свѣтъ, когда читаемъ маленькое, но дѣйствительно талантливое и многоговорящее произведеніе Ан. Чехова—рассказъ «Человѣкъ въ футлярѣ». Содержаніе этого разсказа должно быть извѣстно читателямъ «К. Г.», такъ какъ «Человѣкъ въ футлярѣ» былъ перепечатанъ, но мы все же напомнимъ его. Учитель гимназіи Буркинъ разсказываетъ ветеринарному врачу Ивану Иванову про своего умершаго коллегу учителя греческаго языка Бѣликова.

Этотъ Бѣликовъ С. С. замѣчательно глупъ, что всегда, даже въ очень хорошую погоду, выходилъ въ калошахъ и съ зон-

тикомъ, и непремѣнно въ тепломъ пальто на ватѣ. И вонтикъ у него былъ въ чехлѣ, и часы и перочинный ножикъ и «лицо казалось, тоже было въ чехлѣ, такъ какъ онъ все время пряталъ его въ поднятый воротничокъ... Словомъ, у него наблюдалось постоянное стремленіе создать себѣ, такъ сказать, футляръ, который уединилъ бы его, защитилъ бы отъ вѣншихъ вліяній».

И мысль Бѣликова была «въ футлярѣ». Для него ясны были только циркуляры и газетныя статьи, въ которыхъ запрещалось что нибудь. Когда же въ городѣ что либо разрешали: читальню, чайную и проч., онъ покачивалъ головою: «оно конечно, такъ-то такъ, все это прекрасно, да какъ бы чего не вышло». И этотъ человѣкъ, вѣчно боящійся, какъ бы чего не вышло, давилъ всѣхъ: учителей, директора, знакомыхъ, даже весь городъ! «Подъ вліяніемъ такихъ людей, какъ Бѣликовъ, за послѣдніе десять-пятнадцать лѣтъ въ нашемъ городѣ стали бояться всего, бояться громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, бояться помогать бѣднымъ, учить грамотѣ...

Бѣликовъ печально кончилъ свое существованіе послѣ тяжелаго потрясенія—ссоры съ товарищемъ учителемъ, оскорбившимъ его. Его похоронили, а «сколько еще такихъ человѣковъ въ футлярѣ осталось, сколько ихъ еще будетъ», закончилъ учитель свой разсказъ.

Да, удивительно много людей въ «футлярѣ» въ нашемъ обществѣ! Футляръ надѣтъ на мысли и чувства, футляръ надѣтъ на стремленія начать что либо новое по требованію жизни. «Какъ бы чего не вышло! Жить общественными интересами, создавать общества ради взаимодѣйствія общественныхъ силъ, учиться и учить, просто безъ личныхъ цѣлей интересоваться людьми, устраивать, не спросивъ свою личную жизнь—о нѣтъ—какъ бы чего не вышло».

Вы пошли навѣстить знакомаго, вы поинтересовались человѣкомъ и уже боитесь какъ бы чего не вышло! Вся жизнь и отношенія людей заключены въ футляръ.

Тяско и душно, и неудобно, но уничтожить этого нельзя! У Чехова не видно исхода из этого трагического положения: жизнь не дает ответа на черт-чуть прямо и отъясно поставленный вопрос. И это мрачное настроение автора класть тяжелый колорит на все произведение его, у него нет даже надежды, что футляр рано или поздно разобьется.

В августе книжка „Р. М.“ Ан. Чехов продолжает свои рассказы: II „Крыжовник“, III „О любви“. Тот же учитель Буркин и ветеринар Иван Иванович попадают к помещику Алексину и здесь продолжают рассуждать и рассказывать. Первый рассказ — „Крыжовник“ — Ивана Ивановича про своего брата, мелкого чиновника казенной палаты, всю жизнь страстно желавшего стать земельным собственником. Из года в год копить он деньги, жить впроголодь, лишился необходимого, ради денег женился и, наконец, уже за сорок лет, потеряв жену (она умерла от дурных условий), он купил имение, где было все, чего он желал, насадил себя двадцать кустов крыжовника, который почему-то особенно любил. Он угощал брата Ив. Ив. крыжовником с собственными кустов и наслаждался; он его ел даже ночью. Свое впечатление от встречи с братом Иван Иванович описывает с тяжелым чувством. «Я видел счастливого человека, счастливая мечта которого осуществилась так очевидно... Я соображал: как в сущности много довольных, счастливых людей! Какая это подавляющая сила! Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильных, невѣжество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, тѣснота, вырождение, пьянство, лицемерие, вранье... Между тем во всех домах тишина и спокойствие; из пятидесяти тысяч живущих в городе нет ни одного, который бы вскрикнул, громко возмущаясь. Протестует одна только немая статистика: столько-то сумм сошло, столько-то вадер выиграно, столько-то детей погибло от недоедания... И такой порядок, очевидно, нужен; очевидно,

счастливый чувствует себя хорошо только потому, что несчастные несут свое бремя молча, и без этого молчания счастье было бы невозможно. Это общий гипноз».

— «И во имя чего ждать? Ждать, когда нет сил ждать, а между тем жить нужно и хочется жить! заканчивает Ив. Ив. Второй рассказ: „О любви“ Алексина, помещика, у которого остановились приятели; он делится своей личной неудачей, говорить о своей несчастливой любви к женщине, любившей его, но принадлежавшей мужу и детям. Они таили про себя свою любовь и только, когда разстались навсегда, любовь высказалась. „Когда тут, в купе, взгляды наши встретились..., я признался ей в своей любви, и со жгучей болью в сердце я понял, как ненужно, мелко и обманчиво было все то, что нам мѣшало любить. Я понял, что когда любишь, то в своих рассуждениях об этой любви нужно исходить с высшего, с более важного, чем счастье или несчастье, грѣх или добродѣтель в их ходячем смысле, или не нужно рассуждать вовсе».

Рассказы Чехова, как всегда, интересны, а главное, они заставляют задуматься читателя. Автор безпопало изображает жизнь неприкрашенную, невыдуманную со всем ужасом обыденных возмутительных явлений, которые зовутся обычными и мимо которых мы проходим по привычке, не замечая их. Последние два рассказа: „Крыжовник“ и „О любви“ служат как-бы дополнением к „Человеку в футляре“. Одни уходят от жизни и довольствуются „крыжовником“, но такие мыслящие и ценившиеся с личным покоем люди, как сами рассказчики Иван Иванович и Алексин, ищут разгадки жизни и страдают. Манера автора писать как можно проще при всей сложности описываемых явлений выдержана всюду. Он ничего не нагромождает, ничего лишнего. Оставаясь объективным и безпристрастным, он волнует читателя глубокими обобщениями.

А. З.—ва.